

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org). Перевод уже был опубликован в 2009 году на сайте этой организации (<http://www.srji.org/resources/search/85/>). Разрешение на публикацию перевода было дано исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation was published in 2009 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО “ЗАКРИЕВА И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ”

(Жалоба №20583/04)

Текст был отредактирован 17 марта 2009 года
согласно Правилу 81 Правил Суда

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

8 января 2009 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ

6 июля 2009 года

Текст может быть дополнительно отредактирован.

В деле “Закриева и другие против России”,

Европейский суд по правам человека (Первая секция), Палатой в следующем составе:

Кристос Розакис, *Президент*,

Анатолий Ковлер,

Элизабет Штейнер,

Дин Шпильманн,

Сверре Эрик Йебенс

Джорджио Малинверни,

Георгий Николаи, *судьи*,

и Сёрен Нильсен, *Секретарь Секции*,

Заседая 4 декабря 2008 года за закрытыми дверями,

Вынес следующее постановление, принятое в последний вышеупомянутый день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№20583/04) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со Статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») восемью гражданами Российской Федерации («заявители») 18 мая 2004 года.

2. Заявителей в Европейском Суде представляли юристы "Правовой инициативы по России" (далее - “SRJI”), неправительственной организации с главным офисом в Нидерландах и представительством в России. Правительство Российской Федерации («Правительство») представляла г-жа В. Милинчук, Представитель Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

3. 1 сентября 2005 года Президент Первой секции принял решение в соответствии с Правилом 41 Регламента Суда о разбирательстве данной жалобы в приоритетном порядке.

4. 21 мая 2007 г. Суд принял решение уведомить Правительство о поданной жалобе. В соответствии с положениями Статьи 29 § 3 Конвенции Суд принял решение о рассмотрении жалобы по существу одновременно с рассмотрением вопроса о ее приемлемости.

5. Правительство оспорило объединение рассмотрения жалобы по существу одновременно с рассмотрением вопроса о приемлемости. Суд отклонил возражение Правительства.

ФАКТЫ

6. Заявители:

1. Тамара Аднановна Закриева, род. 1951 г.,
2. Амнат Хасиевна Хакимова, род. в 1978 г.,
3. Мовсар Асланбекович Хамзаев, род. в 1999 г.,
4. Иман Асланбековна Хамзаева, род. в 2002 г.,
5. Ильяс Асланбекович Хамзаев, род. в 2003 г.,
6. Дук-Ваха Эсикаевич Хамзаев, род. в 1972 г.,
7. Аслан Эсикович Хамзаев, род. в 1980г.,
8. Хаваж Эсикович Хамзаев, род. в 1983 г.

Вторая заявительница проживает в селе Ачхой-Мартан Чеченской Республики. Другие заявители живут в селе Гехи Урус-Мартановского района Чеченской Республики.

7. Первая заявительница приходится матерью шестому, седьмому, восьмому заявителям и господину Асланбеку Эсиковичу Хамзаеву, 1974 года рождения. Асланбек Хамзаев состоит в браке со второй заявительницей; они являются родителями третьего, четвертого и пятого заявителей.

А. Исчезновение Асланбека Хамзаева

1. Позиция заявителей

8. Заявители не были очевидцами задержания Асланбека Хамзаева. Отчет, приведенный ниже, основан на показаниях третьей стороны, представленных заявителями.

9. 25 июня 2002 г. Асланбек Хамзаев посетил свою тетю, госпожу Ю. в Грозном. Около 3 часов дня, когда он возвращался домой в село, его остановила группа вооруженных людей на российском военном контрольно-пропускном пункте неподалеку от поселка Алды. Военные приказали Асланбеку Хамзаеву выйти из машины, а затем посадили его в одну из нескольких бронированных машин (“БТР”), припаркованных у блокпоста. Регистрационный номер БТР был запачкан грязью так, что только две цифры из трех были видны: «2» и «8». Затем все БТР уехали в направлении Грозного.

10. Между тем, распространились слухи о том, что российские военные осуществляют спецоперацию в окрестностях Грозного. Г-жа Ю. забеспокоилась о своем племяннике и поехала в направлении Гехи увидеть его. Рядом с блокпостом в Алдах она встретила группу женщин, которые видели, как задержали Асланбека Хамзаева и рассказали ей об этом. Г-жа Ю. поехала в Грозный следом за БТРами, которые она в конце концов настигла, и последовала за ними на охраняемую территорию военной комендатуры Заводского района г. Грозного (“комендатура Заводского района”).

11. Позже в тот же день заявители прибыли в комендатуру Заводского района с целью разузнать что-либо о местонахождении Асланбека Хамзаева, но не получили никакого ответа.

12. Примерно полтора года спустя заявителям сообщили, что не все БТР вернулись в военную комендатуру Заводского района 25 июля 2002 года, один из них отделился от группы и поехал в направлении Октябрьского района г. Грозного.

2. Информация, предоставленная Правительством

13. По версии Правительства 25 июня 2002 года неустановленные лица в камуфлированной форме похитили Асланбека Хамзаева в поселке Алды Заводского района г. Грозного Чеченской Республики.

В. Розыски Асланбека Хамзаева и расследование

1. Позиция заявителей

14. 28 июня 2002 года вторая заявительница обратилась в правозащитный центр «Мемориал», расположенный в Москве НПО, сообщив, что ее муж был задержан российскими военнослужащими и с просьбой помочь разыскать его. В тот же день юристы «Мемориала» написали письмо в прокуратуру г. Грозного («городская прокуратура») с просьбой начать следствие по делу об исчезновении Асланбека Хамзаева.

15. 6 августа 2002 года городская прокуратура возбудила расследование по исчезновению Асланбека Хамзаева согласно Статье 126 § 2 Уголовного кодекса РФ (похищение при отягчающих обстоятельствах). Уголовному делу был присвоен номер 50115.

16. 22 августа 2002 года городская прокуратура признала первую заявительницу потерпевшей по данному делу.

17. 6 ноября 2002 года городская прокуратура приостановила расследование дела № 50115 в связи с невозможностью установить личности виновных в совершении преступления.

18. 6 марта 2003 года первая заявительница написала письмо в прокуратуру Чеченской республики и Специальному Представителю Президента РФ по защите прав и свобод в Чеченской Республике. Она описала, что ее сын был задержан российскими военными в ходе проведения спецоперации в поселке Алды и увезен на БТР. Она просила о проведении расследования преступления.

19. 3 июня 2003 года Главная военная прокуратура передала жалобу первой заявительницы в военную прокуратуру Объединенной группы войск (сил) («прокуратура ОГВ(с)»).

20. 7 июля 2003 года прокуратура Чеченской Республики возобновила расследование похищения Асланбека Хамзаева и уведомила первого заявителя о данном решении. Они также сообщили, что она может направлять дальнейшие вопросы или просьбы в прокуратуру Заводского района г. Грозного («прокуратура Заводского района»).

21. 11 июля 2003 года прокуратура ОГВ(с) передала жалобу первого заявителя в военную прокуратуру войсковой части № 20102 (“военная прокуратура”).

22. 21 июля 2003 года отдел внутренних дел Заводского района г. Грозный (“РОВД”) выдал свидетельство, подтверждающее факт, что Асланбек Хамзаев считается пропавшим с 25 июня 2002 г. и что дело №02027 находится на рассмотрении в РОВД.

23. 15 августа 2003 года военная прокуратура сообщила первой заявительнице, что расследование исчезновения Асланбека Хамзаева не доказало причастность российских военных к преступлению. Они также отметили, что ее жалоба была передана в прокуратуру Урус-Мартановского района.

24. 20 августа 2003 года из Управления Генеральной прокуратуры по Южному федеральному округу сообщили первой заявительнице, что ее жалоба была передана в прокуратуру Чеченской Республики.

25. 4 сентября 2003 года военная прокуратура передала жалобу первой заявительницы военному коменданту Урус-Мартановского района.

26. 25 ноября 1993 года организация SRJI обратилась в прокуратуру Заводского района с просьбой сообщить, было ли возбуждено расследование похищения Асланбека Хамзаева российскими военными и какие следственные меры были предприняты. Они также попросили следователей допросить определенных свидетелей преступления.

27. 27 ноября 1993 года прокуратура Чеченской Республики передала письмо первой заявительницы в прокуратуру Заводского района с указанием приобщить его к материалам уголовного дела №50115.

28. 2 февраля 2005 года организация SRJI обратилась с письмом в прокуратуру Заводского района с просьбой сообщить им о ходе расследования уголовного дела №.50115.

2. Информация, предоставленная Правительством

29. 5 августа 2002 года первая заявительница пожаловалась по похищение ее сына в городскую прокуратуру.

30. 6 августа 2002 года прокуратурой г. Грозного было возбуждено уголовное дело по факту похищения Асланбека Хамзаева по признакам преступления, предусмотренного Статьей 126 § 2 Уголовного кодекса РФ (похищение при отягчающих обстоятельствах). Уголовному делу был присвоен номер 50115.

31. 22 августа 2002 года первая заявительница была признана потерпевшей и допрошена. Она показала, что Асланбек Хамзаев постоянно проживал в селе Гехи. 24 июля 2002 года он уехал в Заводской район к своей родственнице г-же Ю. 25 июля 2002 года г-жа Ю. сообщила первой заявительнице, что днем ранее представители федеральных сил в ходе проведения спецоперации по «зачистке»

проверили паспорт Асланбека Хамзаева и затем отпустили его. После этого он отправился домой в село [Гехи]. Около 17 часов женщина сказала г-же Ю., что неизвестные лица в камуфлированной форме забрали молодого человека недалеко от дамбы. Чтобы защитить молодого человека, женщина сказала этим людям, что она его мать. Мужчины в камуфлированной форме доказали, что это не правда, показали ей паспорт на имя А. Хамзаева и уехали.

32. 27 июля 2003 года в качестве свидетеля была допрошена г-жа В. Она показала, что 25 июля 2002 года она слышала, как пожилая женщина рассказывала, что видела задержание молодого человека федеральными военнослужащими. Когда эта женщина сказала военнослужащим, что задержанный молодой человек ее сын, они показали паспорт на имя Асланбека Хамзаева. Женщина также сообщила, что она видела на борту БТР цифры “2” и “8” на замазанном грязью регистрационном номере.

33. 31 июля 2003 года г-жа Ю. была допрошена в качестве свидетеля и показала, что 25 июля 2005 года она видела на остановке транспорта большое скопление людей, у которых проверяли паспорта. Среди проверяемых был ее племянник Асланбек Хамзаев. Через час он вернулся к ней, забрал свои вещи и уехал домой. Позднее в этот же день приехала ее сестра г-жа Р.Ю. и сказала, со слов неизвестной женщины, что племянника увезли на БТР вооруженные люди.

34. 3 августа 2003 года был допрошен г-н Х, отец Асланбека Хамзаева. Он показал, что 24 июля 2002 года его сын уехал в поселок Алды. 25 июля 2003 года г-жа Ю. сообщила ему, что накануне военнослужащие проверяли паспорт его сына. Позднее г-жа Ю. сказала, что в 17 часов неизвестные люди увезли молодого человека на БТР.

35. 18 мая 2004 года была допрошена в качестве свидетеля г-жа Р.Ю. и показала, что 25 июля 2002 года она, ее сын и г-жа Ю. ехали на автобусе, который сломался около дамбы в поселке Черноречье. Военнослужащие увели сына г-жи Р.Ю. для проверки документов; ее сестра ушла вместе с ним. Когда она вернулась, ее сестра сказала г-же Р.Ю., что знакомые сообщили ей, что ее племянник Асланбек Хамзаев был задержан неизвестными военными и увезен на БТР в сторону школы №39 Заводского района г. Грозного.

36. 18 мая 2004 года г-жа Ю. была дополнительно допрошена. Она показала, что 25 июля 2002 года она и ее сестра г-жа Р.Ю. ехали в автобусе, который сломался около дамбы. Она вышла и стояла на автобусной остановке в толпе людей, где военнослужащие проводили проверку документов. Среди них был ее племянник. Г-жа Ю. подтвердила, что военные проверили его паспорт по компьютеру и вернули его паспорт. Через полчаса племянник вернулся к ней домой и пошел спать. Г-жа Ю. и ее муж на машине поехали за сестрой, которая осталась ждать у сломанного автобуса. Ее сестра показала им записку со словами «Асланбек Хамзаев», которую ей передала неизвестная

женщина, которая сообщила, что она видела, как военнослужащие посадили Асланбека Хамзаева в БТР и увезли. Г-жа Ю. сразу же пошла к дамбе и спросила военнослужащих о задержании племянника, но они ответили, что ничего об этом не знают.

37. 19 мая 2004 года г-н Ю., муж г-жи Ю., был допрошен. Он показал, что в июне 2002 года его жена сообщила ему, что военнослужащие задержали ее племянника и увезли на БТР. В этот же день он и его жена поехали в поселок Черноречье. Они догнали колонну БТР и спросили военнослужащих о Асланбеке Хамзаеве, но они ничего не могли пояснить. Г-н Ю. заглянул внутрь нескольких БТР, но никого там не обнаружил.

38. В неустановленный день была допрошена г-жа Э. Она показала, что 25 июля 2002 года в поселке Алды она видела БТР, рядом с которым стояли военные. Заглянув в окошко одного БТР, она увидела молодого человека, его лицо она не разглядела. Г-жа Э. попросила военных, чтобы они отпустили молодого человека, утверждая, что он приходится ей сыном. Военнослужащие спросили, как зовут мужчину, она назвала имя «Магомед». Один из военных показал ей паспорт на имя Асланбека Есиковича Хамзаева. Номер БТР был замазан грязью и не распознаваемый.

39. 28 августа 2007 года первая заявительница была допрошена и показала, что ее сын был похищен не 25 июля 2002 года, а 25 июня 2002 года.

40. По версии Правительства, в ходе предварительного следствия направлялись запросы в различные правоохранительные органы и другие силовые, однако положительного результата получено не было. Согласно данным, предоставленным правоохранительными органами Чеченской Республики, никакая спецоперация не проводилась 25 июня 2002 года в поселке Алды.

41. Следствию не удалось установить личности преступников. Причастность каких-либо сотрудников правоохранительных сил к похищению не была установлена. Асланбек Хамзаев к уголовной ответственности не привлекался, не задерживался и не содержался в местах временного содержания Чеченской Республики.

42. Расследование по делу приостанавливалось несколько раз по причине не установления причастных к совершению преступления и затем возобновлялось. Заявители были должным образом уведомлены обо всех постановлениях по делу, которое находится на контроле Генеральной прокуратуры РФ.

43. Несмотря на конкретные запросы Суда, Правительство не предоставило копии материалов уголовного дела №50115. Ссылаясь на мнение Генеральной прокуратуры, Правительство заявило, что следствие по делу продолжается и что раскрытие материалов дела было бы нарушением Статьи 161 УПК РФ, поскольку они содержат сведения военного характера и личные данные свидетелей и других участников уголовного процесса.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

44. См. обобщенное изложение применимых норм национального законодательства в постановлении по делу *Akhmadova and Sadulayeva v. Russia*, no. 40464/02, § 67-69, 10 мая 2007.

ПРИМЕНИМЫЕ НОРМЫ ПРАВА

I. ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ НА ПОДАЧУ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЖАЛОБЫ

45. Правительство утверждало, что жалоба была подана не в интересах восстановления нарушенных прав заявителей. Истинным предметом и намерением жалобы были достижение цели политического характера и «содержащиеся в жалобе заявления явно не соответствуют целям и задачам правосудия, осуществляемого Европейским судом по правам человека». Правительство считало, что право на подачу индивидуальной жалобы нарушено заявителями и требовало признать жалобу неприемлемой в соответствии со Статьей 35 § 3 Конвенции.

46. Суд полагает, что обращения, представленные заявителями к рассмотрению, касались непосредственно самих жалоб. В документах дела нет ничего, что свидетельствовало бы о нарушении права на подачу индивидуальной жалобы. Соответственно, это возражение Правительства должны быть отклонено.

II. ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО *LOCUS STANDI*

47. Правительство предположило, что заявители не были знакомы с содержанием жалобы, которая была подписана не самими заявителями, а только их представителями и двумя другими сотрудниками организации SRJI. Более того, оно высказало сомнение в том, что SRJI подготовила замечания по приемлемости и существу жалобы от 20 декабря 2007 года с участием и согласием заявителей. Ссылаясь на постановление суда по делу *Vasila and Petre Constantin in the name of Mihai Ciobanu v. Romania* (no. 52414/99, 16 декабря 2003), Правительство посчитало, что данное дело не является подсудным (*locus standi*).

48. Суд отмечает, что заявители дали SRJI доверенности, чтобы предоставлять их интересы в ходе судебного разбирательства в Страсбурге, в частности, подписывать формуляры жалобы и другие материалы, подаваемые в секретариат Суда от их имени. Поэтому Суд

не видит причин предполагать, что заявители подписали доверенности против себя самих. Следовательно, это возражение Правительства должны быть отклонено.

III. ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ИСЧЕРПАНИЯ ВНУТРЕННИХ СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ

А. Доводы сторон

49. Правительство утверждало, что жалобу следует признать неприемлемой из-за не исчерпания внутригосударственных средств защиты. Правительство сообщило, что следствие по делу об исчезновении Асланбека Хамзаева еще не окончено. Оно также утверждало, что заявители могли предъявить жалобы в суд или в вышестоящую прокуратуру на действия или бездействия следственных или иных правоохранительных органов, однако они не воспользовались данным средством правовой защиты. Они также могли предъявить гражданский иск в суд и требовать возмещения ущерба, но они не сделали этого.

50. Заявители оспорили это возражение и утверждали, что уголовное расследование оказалось неэффективным.

В. Оценка Суда

51. Суд подчеркивает, что правило об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты в соответствии со Статьей 35 § 1 Конвенции обязывает заявителей сначала использовать средства правовой защиты, которые доступны и достаточны во внутригосударственной правовой системе, чтобы обеспечить им получение возмещения за предполагаемые нарушения. Существование средств правовой защиты должно быть достаточно определено как в теории, так и на практике, в противном случае им будет не хватать требуемых доступности и эффективности. Статья 35 § 1 также требует, чтобы жалобы, которые предполагается впоследствии представить в Суд, были бы заявлены в соответствующий внутригосударственный орган, по крайней мере, по существу и в соответствии с формальными требованиями и сроками, предусмотренными внутригосударственным правом, а также, чтобы были использованы любые процессуальные средства, могущие предотвратить нарушение Конвенции. Вместе с тем, нет обязательства обращаться к тем средствам правовой защиты, которые являются неадекватными либо неэффективными (см. *Aksoy v. Turkey*, постановление от 18 декабря 1996, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-VI, pp. 2275-76, §§ 51-52; *Akdivar and Others v. Turkey*, постановление от 6 сентября 1996, *Reports of Judgments and Decisions*

1996-IV, p. 1210, §§ 65-67; и *Cennet Ayhan and Mehmet Salih Ayhan v. Turkey*, no. 41964/98, § 64, 27 июня 2006).

52. Правительство, утверждающее, что внутригосударственные средства правовой защиты не были исчерпаны, обязано указать Суду с определённой точностью те средства правовой защиты, к которым не обратились заявители, и объяснить Суду, что они являлись в соответствующий период времени эффективными и доступными, как в теории, так и на практике, то есть, что имелась возможность обратиться к ним, они могли предоставить возмещение в отношении жалоб заявителя и что имелись разумные перспективы успеха (см. *Cennet Ayhan and Mehmet Salih Ayhan*, цит. выше, § 65).

53. Суд отмечает, что в российской правовой системе у жертвы неправомерных и противозаконных действий государства и его представителей в принципе имеется два пути восстановления нарушенных прав, а именно – гражданское или уголовное судопроизводство.

54. Что касается гражданского иска о возмещении ущерба, нанесенного незаконными действиями или противоправным поведением представителей государства, Суд уже постановил в ряде аналогичных случаев, что такой иск не является решением вопроса об эффективных средствах правовой защиты в контексте жалобы на нарушение Статьи 2 Конвенции. Само по себе рассмотрение гражданского иска в суде не предполагает проведения независимого расследования и не способно в отсутствие результатов следствия по уголовному делу привести к установлению виновных в совершении убийств или похищений людей, а тем более привлечь их к ответственности (см. *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, №57942/00 и 57945/00, §§ 119-121, 24 февраля 2005 г., и *Estamirov and Others*, цит. выше, § 77). В свете вышесказанного Суд подтверждает, что заявители не были обязаны подавать гражданский иск.

55. Что касается уголовно-правовых средств защиты, Суд отмечает, что заявители обратились с жалобой в правоохранительные органы сразу же после исчезновения Асланбека Хамзаева и что следствие по делу продолжается с 6 августа 2002 года. Мнения заявителей и Правительства в отношении эффективности следствия расходятся.

56. Суд считает, что эта часть предварительных возражений Правительства поднимает вопросы, связанные с эффективностью расследования уголовного дела, и что они тесно связаны с существом жалоб заявителей, и поэтому указанное возражение должно быть объединено с рассмотрением дела по существу.

IV. ОЦЕНКА СУДОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТОВ

А. Доводы сторон

57. Заявители жаловались на то, что Асланбек Хамзаев был задержан 25 июня 2002 года и что дата 25 июля 2002 года указана в показаниях первой заявительницы и г-жи Э. по ошибке. Они заявили это и относительно всех других показаний свидетелей, данных в связи с указанными событиями. Они еще раз утверждали, что вне разумных сомнений лица, задержавшие Асланбека Хамзаева, были представителями государства. В доказательство своей позиции, они указали, что российскими военными проводилась спецоперация по «зачистке» в день исчезновения, что у Асланбека Хамзаева незадолго до его исчезновения проверяли паспорт и что БТР использовались только федеральными силами.

58. Правительство утверждало, что Асланбека Хамзаева похитили неизвестные вооруженные люди. Оно также указало, что заявители не были уверены в точной дате исчезновения. Согласно версии Правительства, преступление было совершено 25 июня 2002 года. Информация, предоставленная г-жой Э. заявителям и следователям, не совпадает. Заявители и их родственники не представили последовательную и убедительную картину обстоятельств похищения их родственника. Правительство указало, что следствием указанный инцидент был изучен, данных о том, что похитители были представителями государства, не нашли подтверждения и таким образом нет оснований считать Государство ответственным за предполагаемое нарушение прав заявителей. Оно также утверждало, что нет доказательств, позволяющих говорить о смерти родственника заявителей.

В. Оценка Судом фактов

59. По делам, в которых существуют противоречащие друг другу версии событий, Суд при установлении фактов неизбежно сталкивается с теми же сложностями, что и любой суд первой инстанции. Когда, как в данном деле, Правительство-ответчик имеет эксклюзивный доступ к информации, способной подтвердить либо опровергнуть утверждения заявителя, любой недостаток содействия со стороны Правительства без удовлетворительного объяснения может стать основанием для выводов об обоснованности таких утверждений заявителя (см. *Taniş and Others v. Turkey*, no. 65899/01, § 160, ECHR 2005-...).

60. Суд отмечает, что в его практике выработан ряд принципов, применимых в ситуациях, когда он вынужден решать задачу установления фактов, относительно которых между сторонами

имеется спор. Что касается спорных фактов, Суд повторяет позицию, сформировавшуюся в его судебной практике, согласно которой при оценке доказательств применению подлежит стандарт доказывания «вне разумных сомнений» (см. *Avşar v. Turkey*, no. 25657/94, § 282, ECHR 2001-VII (извлечения)). Достижение такого стандарта доказывания может являться следствием сосуществования достаточно сильных, ясных и согласующихся друг с другом выводов из имеющихся фактов либо схожих неопровергнутых презумпций относительно фактов. В этом контексте должно приниматься во внимание поведение сторон при получении доказательств (см. *Taniş and Others*, цит. выше, §160).

61. Суд со вниманием относится к соблюдению принципа субсидиарности и признаёт, что он должен быть осторожен в принятии на себя роли суда первой инстанции, действуя таким образом только в тех случаях, когда обстоятельства конкретного дела делают это неизбежным (см., например, решение *McKerr v. the United Kingdom* (dec.), no. 28883/95, от 4 апреля 2000 года). Тем не менее, когда выдвигаются обвинения по статьям 2 и 3 Конвенции, Суд должен особенно тщательно рассматривать факты (см., с учётом контекста, *Ribitsch v. Austria*, 4 декабря 1995, Series A no. 336, § 32; и *Avşar*, цит. выше, § 283), даже если уже были осуществлены определённые внутригосударственные меры и следственные действия.

62. Суд повторяет, что им было указано на трудности заявителей представить необходимые доказательства в подтверждение своих заявлений по делам, где соответствующие документы находятся в ведении Правительства Государства-ответчика и оно отказывается предоставить их. Когда заявитель делает утверждение *prima facie*, а у Суда нет возможности сделать вывод на основе фактов из-за отсутствия соответствующих документов, на Правительство возлагается обязанность исчерпывающе аргументировать, почему данный документ не может быть предоставлен Суду для проверки утверждений заявителя, либо дать удовлетворительное и убедительное объяснение того, как именно произошли события, о которых идет речь. Таким образом, бремя доказывания переносится на Правительство, и если оно не представляет достаточных аргументов, то встает вопрос о возможных нарушениях Статьи 2 и/или Статьи 3 (см. *Toğcu v. Turkey*, №27601/95, § 95, 31 мая 2005 г., и *Akkum and Others v. Turkey*, №21894/93, § 211, ECHR 2005 II).

63. Суд отмечает, что, несмотря на его запрос копии материалов уголовного дела о похищении Асланбека Хамзаева, Правительство не представило вообще никаких документов по делу и сослалось на статью 161 Уголовно-процессуального кодекса. Суд отмечает, что в предыдущих делах он уже устанавливал, что это объяснение является недостаточным для объяснения удержания ключевой информации, запрошенной Судом (см. *Imakayeva v. Russia*, no. 7615/02, § 123, ECHR 2006-... (выдержки)).

64. Судом уже была признана ответственность российских властей за внесудебные казни и исчезновения мирных граждан в Чеченской Республике по ряду дел, даже в отсутствие заключительных выводов внутренних инстанций (см. *Khashiyev and Akayeva*, цит.выше; *Luhuyev and Others v. Russia*, no. 69480/01, ECHR 2006-... (выдержки); *Estamirov and Others*, цит.выше; и *Baysayeva v. Russia*, no. 74237/01, 5 апреля 2007). Он делал это преимущественно на основе свидетельских показаний и других документов, подтверждающих присутствие военных или сотрудников служб безопасности на соответствующей территории в соответствующее время. Он основывался на указаниях на военные транспортные средства и оборудование, на показания свидетелей, на другую информацию об осуществлении операций по поддержанию безопасности, а также на бесспорный эффективный контроль соответствующих территорий российскими военными, подтверждаемый, например, существованием блокпостов на дорогах, использованных лицами, совершившими преступления, и их способностью беспрепятственно передвигаться во время комендантского часа. По этому основанию он устанавливал, что соответствующие территории находились «под исключительным контролем властей государства» в связи с военными операциями и операциями по поддержанию безопасности, проводимыми там, и присутствием военнослужащих (см. с учетом контекста, *Akkum v. Turkey*, цит.выше, § 211, и *Zubayrayev v. Russia*, № 67797/01, § 82, 10 января 2008).

65. Тем не менее, по настоящему делу у Суда мало доказательств, чтобы сделать такой вывод, так как отчет о событиях, представленный заявителями на основе показаний очевидцев, не вполне связанный.

66. Во-первых, ни заявители, ни другие очевидцы не показали, что видели задержание Асланбека Хамзаева вооруженными людьми и то, что его посадили в БТР или другую военную технику. Напротив, г-жа Ю. сообщила следователям, что видела ее племянника, когда у него проверяли паспорт и что позднее он пришел к ней домой (см. пункт 33 выше). Из этого следует, что военнослужащие, проводившие проверку документов, решили не задерживать Асланбека Хамзаева.

67. Во-вторых, Суд отмечает, что показания свидетелей, данные следователям и Суду, имеют слишком большое, если не чрезмерное различие. Более того, факт путаницы с датой инцидента, которая обнаруживалась в показаниях свидетелей с августа 2002 года по август 2007 (см. пункты 31-39), также дает основания сомневаться в связанности версии заявителей.

68. И, наконец, в своих замечаниях, данных и внутренним властям и Суду, заявители в значительной степени опирались на свидетельские показания г-жи Э. (см. п. 38). Вследствие их субсидиарной роли, Суд не может установить достоверность версии, данной г-жой Э. Ссылаясь на показания г-на Ю. о том, что он догнал колонну БТР и заглядывал внутрь машин, но не обнаружил там Асланбека Хамзаева (см. п.37).

Маловероятно, что две колонны БТР передвигались в указанной местности в одно и то же время. Следовательно, Суд не склонен рассматривать показания г-жи Э. в качестве убедительного доказательства, что Асланбек Хамзаев удерживался в БТР российским военнослужащим.

69. Таким образом, по настоящему делу у Суда имеется недостаточно доказательств, для того чтобы установить, что Асланбек Хамзаев был похищен сотрудниками государства в ходе проведения спецоперации. В таких обстоятельствах по настоящему делу Суд не может возложить ответственность за незаконные действия на Государство без дополнительных доказательств в этом отношении.

70. Резюмируя сказанное, не было установлено на требуемом стандарте «вне разумного сомнения», что силы безопасности виновны в исчезновении Асланбека Хамзаева, и Суд не считает, что бремя доказывания должно быть полностью переложено на Правительство.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

71. Заявители жаловались на нарушение Статьи 2 Конвенции в связи с тем, что их родственник исчез после задержания российскими военнослужащими и что государственные органы не провели эффективное расследование данного дела. Статья 2 гласит:

“1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- (a) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- (b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- (c) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа”.

A. Доводы сторон

72. Правительство утверждало, что органами следствия не получено данных о том, что Асланбек Хамзаев был мертв или что к похищению и предположительному убийству причастны представители федеральных силовых структур. Правительство утверждало, что расследование похищения родственника заявителей соответствовало требованиям Конвенции об эффективности расследования, поскольку принимались все предусмотренные российским законодательством меры к установлению лиц, совершивших это преступление. Заявители сами способствовали задержке возбуждения уголовного дела, так как сообщили о преступлении в районную прокуратуру только 5 августа 2002 года.

73. Заявители настаивали, что Асланбек Хамзаев был задержан представителями федеральных сил и должен считаться умершим по причине отсутствия достоверных сведений о нем в течение более чем шести лет. Заявители также утверждали, что расследование не соответствовало требованиям эффективности и адекватности, установленным прецедентной практикой Суда по Статье 2. Заявители призвали Суд сделать соответствующие выводы из необоснованного отказа Правительства предоставить заявителям или Суду материалы уголовного дела.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

74. Суд считает в свете представленных сторонами аргументов, что жалоба затрагивает серьезные вопросы факта и права, подпадающие под действие Конвенции, для решения которых необходимо рассмотрение жалобы по существу. Кроме того, Суд уже отмечал, что возражение Правительства в части предполагаемого неисчерпания внутригосударственных средств защиты следует рассматривать совместно с рассмотрением существа жалобы (см. параграф 55 выше). Таким образом, жалоба на нарушение Статьи 2 Конвенции должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

(а) Предполагаемое нарушение права на жизнь Асланбека Хамзаева

i. Общие принципы

75. Суд напоминает о том, что Статья 2, гарантирующая право на жизнь и устанавливающая обстоятельства, при которых может быть оправдано лишение жизни, является одним из наиболее фундаментальных положений Конвенции, которое не может быть объектом частичной отмены. В свете важности той защиты, которую гарантирует Статья 2, Суд должен подвергать все случаи лишения жизни особо тщательному рассмотрению, учитывая не только действия агентов Государства, но и сопутствующие обстоятельства (см., помимо прочего, *McCann and Others v. the United Kingdom*, постановление от 27 сентября 1995 г., серия А № 324, стр. 45-46, §§ 146-147 и *Avşar*, цит. выше (выдержки)).

76. Как отмечено выше, национальное расследование не дало никаких значимых результатов в отношении установления лиц, причастных к похищению Асланбека Хамзаева. Заявители не представили убедительных доказательств в подтверждение их версии о том, что представители государства совершили это преступление. Суд уже установил выше, что в отсутствие соответствующей информации он не может сделать вывод о том, что силы безопасности были

причастны к исчезновению родственника заявителей (см. пункт 70 выше). Невозможно установить «вне разумного сомнения», что Асланбек Хамзаев был лишен жизни представителями государства.

77. В таких обстоятельствах Суд не может установить ответственность государства, и таким образом, материальная часть статьи 2 Конвенции не нарушена.

(b) Предполагаемая неадекватность расследования похищения

78. Суд неоднократно указывал, что обязательство защищать право на жизнь, согласно Статье 2 Конвенции, предусмотренное в связи с общим обязательством государства согласно Статье 1 Конвенции «обеспечить всем в пределах своей юрисдикции права и свободы, определенные в Конвенции», требует, в порядке презумпции, проведения эффективного официального расследования в тех случаях, когда люди были убиты в результате применения силы (см. *с учетом контекста, McCann and Others*, цит. выше, п. 49, § 161, и *Kaya v. Turkey*, постановление от 19 февраля 1998, *Reports* 1998-I, п. 324, § 86). Существенной целью такого расследования является обеспечение эффективной имплементации национального законодательства, защищающего право на жизнь, и, по делам, связанным с участием представителей государства или государственных органов, привлечение их к ответственности за смерти, за которые они должны нести ответственность. Такое расследование должно быть независимым, открытым для доступа семье пострадавшего, выполняться в разумные сроки и быстротой, эффективным в том смысле, что оно способно принять решение, было ли применение силы в данном случае оправдано или нет при таких обстоятельствах или же оно было незаконным, и предоставлять достаточную часть для открытого рассмотрения следствия или его результатов (см. *Hugh Jordan v. the United Kingdom*, № 24746/94, §§ 105-109, от 4 мая 2001; и *Douglas-Williams v. the United Kingdom (решение)*, № 56413/00, от 8 января 2002).

79. Суд отмечает, что не было доказано, что Асланбек Хамзаев был убит. Тем не менее, он напоминает, что вышеуказанное обязательство относится также к делам, где человек исчез при обстоятельствах, которые могут быть расценены как угрожающие жизни (см. *Toğsci*, цит. выше, § 112). Заявители сообщили властям, что Асланбек Хамзаев исчез при невыясненных обстоятельствах. Учитывая большое количество докладов о насильственных исчезновениях людей в Чеченской Республике и затянувшееся противостояние между незаконными бандформированиями и федеральными силами в регионе начиная в 2000-х годов, Суд считает, что исчезновение Асланбека Хамзаева должно было быть рассмотрено как угрожающее жизни. Более того, отсутствие новостей от исчезнувшего лица в течение длительного периода позволяет, с большой долей вероятности, признать, что он или она мертвы (см. *Tahsin Acar v. Turkey [GC]*,

по. 26307/95, § 226, ECHR 2004-...). Следовательно, после определенного отрезка времени, в течение которого не было никакой информации о судьбе Асланбека Хамзаева, возникает предположение, что он мог быть лишен жизни, находясь в руках похитителей. Таким образом, Суд заключает, что государственные власти были обязаны провести расследование данного преступления.

80. В настоящем деле проводилось расследование по факту исчезновения Асланбека Хамзаева. Суд должен оценить, соответствовало ли это расследование требованиям Статьи 2 Конвенции.

81. Суд сразу же отмечает, что Правительство не предоставило Суду все материалы уголовного дела №50115. Поэтому Суду придется оценивать эффективность расследования на основании тех немногих документов, которые были представлены заявителями, и информации о ходе следствия, которую сообщило Правительство.

82. Суд отмечает, что 28 июня 2002 года, то есть через три дня после исчезновения Асланбека Хамзаева, заявители обратились к юристам ПЦ «Мемориал», которые, в свою очередь, сразу же информировали прокуратуру города о преступлении. (см. пункт 14 выше). Следствие по уголовному делу №50115 было возбуждено 6 августа 2002 года, то есть более чем через месяц после исчезновения Асланбека Хамзаева.

83. Правительство объяснило задержку в начале расследования тем, что первая заявительница подала жалобу в городскую прокуратуру только 5 августа 2002 года. Суд отмечает в связи с этим, что не имеет решающего значения, кто именно — родственники Асланбека Хамзаева или кто-то другой - подал формальную жалобу в компетентные органы власти. Известие об исчезновении при угрожающих жизни обстоятельствах для властей означает *ipso facto* возникновение обязательства на основании Статьи 2 Конвенции провести всестороннее расследование случившегося (см. Постановление Европейского Суда по делу *Ergi v. Turkey* от 28 июля 1998 г., *Reports* 1998-IV, р. 1778, § 82, а также Постановление Европейского Суда по делу *Yasa v. Turkey* от 2 сентября 1998 г., *Reports* 1998-VI, р. 2438, § 100). Правительство не оспаривало утверждение заявителей, что юристы ПЦ «Мемориал» сообщили о преступлении в городскую прокуратуру 28 июня 2002 года. Таким образом, Суд находит установленным, что следственные органы были уведомлены об исчезновении Асланбека Хамзаева в кратчайшие сроки после произошедших событий. В таких обстоятельствах, заявители не могут считаться ответственными за задержку в начале расследования. По мнению Суда, данная задержка сама по себе не могла не повлиять на эффективность расследования такого преступления, как похищение человека при угрожающих жизни обстоятельствах, где критически важные действия должны быть предприняты в первые же дни после случившегося.

84. Более того, ряд важных следственных мероприятий, таких как допрос ключевых свидетелей, были отложены на значительное время. Например, отец Асланбека Хамзаева¹ и его тетя были допрошены в первый раз спустя год после случившегося, а г-жа Р.Ю. и г-н Ю. были допрошены только в мае 2004 года (см. пункты 33-35 и 37 выше). Очевидно, что эти следственные меры могли дать реальный результат лишь в том случае, если бы были предприняты сразу после сообщения властям о преступлении и возбуждения уголовного дела. Задержка с их производством, которой в данном случае нет объяснений, не только демонстрирует нежелание государства действовать по собственной инициативе, но является нарушением обязательства соблюдать максимальную добросовестность и оперативность в борьбе с такими серьезными преступлениями (см. *Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom*, №46477/99, § 86, ECHR 2002-II).

85. Суд сразу же отмечает, что не способен реконструировать ход расследования, так как Правительство не предоставило Суду все материалы дела, а только отчет о проведенных мероприятиях. В таких обстоятельствах и учитывая отказ Правительства представить информацию о расследовании, Суд заключает, что ряд важных следственных мероприятий был проведен с задержкой или не был проведен совсем.

86. Более того, из материалов, находящихся в ведении Суда, не следует, что власти даже пытались установить, проводилась ли проверка паспортного режима на автобусной остановке около дамбы 25 июня 2002 года и, если она проводилась, какие государственные структуры ее проводили. Согласно версии Правительства, следователи запрашивали информацию о спецоперации в различных правоохранительных органах и установили, что подобная операция не проводилась в этой местности в указанное время (см. пункт 40 выше). Тем не менее, Правительство не объяснило, может ли обычная проверка документов рассматриваться как «спецоперация» или нет. В отсутствие ясного ответа Суд склонен допустить, что не каждая проверка документов расценивается как «спецоперация». Учитывая, что несколько свидетелей подтвердили, что у них проверяли документы на автобусной остановке, Суд заключает, что власти должны были быть более конкретны и аккуратны, когда формулировали свои запросы в правоохранительные органы. Более того, следователи не предприняли действий, чтобы определить, опираясь на показания г-на Ю. (см. пункт 37 выше), передвигалась ли колонна БТР около поселка Черноречье 25 июня 2002 года.

87. Суд также отмечает, что хотя первую заявительницу признали потерпевшей по уголовному делу №50115, ее проинформировали только об одном постановлении (постановление от 6 ноября 2002 года о приостановлении расследования), в то время как, согласно замечаниями Правительства, следствие по делу приостанавливалось и возобновлялось несколько раз. В таких обстоятельствах Суд считает,

что следователи ясно и очевидно отказались обеспечить должный уровень общественного контроля над расследованием или гарантировать легитимность интересов родственников потерпевшего по делу (см. *Oğur v. Turkey* [GC], no. 21594/93, § 92, ECHR 1999-III).

88. В заключении, Суд отмечает, что следствие приостанавливалось и возобновлялось неопределенное количество раз. В таких обстоятельствах, можно с уверенностью предположить, что существовал длительный период бездействия со стороны городской прокуратуры, когда никакие мероприятия по делу не проводились.

89. И, наконец, Суд рассмотрит возражение Правительства, которое было объединено с рассмотрением дела по существу (см. пункт 55 выше). Поскольку это касается вопроса о том, что внутренне расследование еще продолжается, Суд отмечает, что власти не предприняли необходимые и своевременные меры и тем самым подорвали эффективность расследования уже на ранних стадиях. Более того, несмотря на то, что Правительство утверждало, что у заявителей имела возможность потребовать судебной проверки постановлений, вынесенных органами предварительного следствия, не имея доступа к материалам уголовного дела и будучи не информированными о ходе расследования, заявители не могли эффективно оспаривать действия или бездействия следственных органов перевод судом. Тем не менее, учитывая неэффективность расследования, которая уже была отмечена выше, вызывает сомнение, что указанное средство защиты могло бы привести к какому-либо успеху. Поэтому Суд считает, что упомянутые Правительством средства уголовно-правовой защиты были неэффективными при таких обстоятельствах и отклоняет предварительное возражение, касающееся не исчерпания заявителями внутренних средств защиты с точки зрения уголовного расследования.

90. В свете вышесказанного Суд считает, что властями не было проведено эффективное уголовное расследование исчезновения Асланбека Хамзаеваⁱⁱ при угрожающих жизни обстоятельствах в нарушение процессуальной части Статьи 2.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ЗАЯВИТЕЛЕЙ

91. Заявители жаловались, ссылаясь на Статью 3 Конвенции, что в результате исчезновения члена их семьи и отказа властей провести добросовестное расследование этого события, они испытали душевные страдания в нарушение Статьи 3 Конвенции, которая гласит:

“Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию”.

А. Доводы сторон

92. Правительство не согласилось с этими заявлениями, поскольку, по его утверждениям, следствием не было установлено, что заявители подверглись бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в нарушение Статьи 3 Конвенции.

93. Заявители повторили свои жалобы в своих замечаниях.

В. Оценка суда

94. Ссылаясь на соответствующую практику Суда, он отмечает, что в ситуации, когда человек был похищен сотрудниками государства и в последствие «исчез», его или ее родственники могут быть признаны жертвами обращения, нарушающего Статью 3 Конвенции в отношении из душевных страданий, вызванных «исчезновением» члена их семьи и позицией властей в момент, когда данная ситуация доводится до их сведения (see, среди прочего, *Kurt v. Turkey*, 25 May 1998, §§ 130-34, *Reports* 1998-III, и *Timurtaş v. Turkey*, no. 23531/94, §§ 96-98, ECHR 2000-VI).

95. В настоящем деле Суд отмечает, что заявители являются близкими родственниками Асланбека Хамзаеваⁱⁱⁱ. Следовательно, не вызывает сомнения, что заявители испытали и продолжают испытывать эмоциональный стресс в результате исчезновения их сына, мужа и брата.

96. Суд отмечает, что он уже признавал нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении родственников исчезнувшего лица в делах, касающихся феномена «исчезновений» в Чеченской Республике (см., например, *Luhuyev and Others*, цит.выше, §§ 117-18; *Khamila Isayeva v. Russia*, no. 6846/02, § 143-45, от 15 ноября 2007; и *Kukayev v. Russia*, no. 29361/02, §§ 107-10, от 15 ноября 2007). Суд обращает внимание, однако, что это относилось к делам, по которым Государство было признано ответственным за исчезновение родственников заявителей. В данном деле, напротив, не было установлено «вне разумного сомнения», что российские власти причастны к исчезновению Асланбека Хамзаева^{iv} (см. пункт 70 выше). В таких обстоятельствах Суд утверждает, что четко различимо из упомянутого выше и поэтому заключает, что государство не может быть признано ответственным за душевные страдания заявителей, вызванные преступлением как таковым.

97. Таким образом, в отсутствие признаваемой за государством-ответчиком ответственности за исчезновение Асланбека Хамзаева^v, Суд не убежден, что поведение следственных органов, хотя и пренебрежительное в ходе производства, что нарушает процедурный аспект Статьи 2, может рассматриваться как причина душевных страданий заявителей, превышающий минимальный уровень жестокости, который необходим в порядке рассмотрения обращения,

подпадающего под нарушение Статьи 3 Конвенции (см. среди прочего, *Cruz Varas and Others v. Sweden*, 20 марта 1991, § 83, Series A no. 201).

98. Из этого Суд делает вывод, что эта часть жалобы очевидно плохо аргументирована и должна быть отклонена в связи со Статьей Article 35 §§ 3 and 4 Конвенции.

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

99. Заявители также утверждали, что Асланбек Хамзаев^{vi} был задержан в нарушение гарантий по Статье 5 Конвенции, которая в соответствующих частях гласит:

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию”.

A. Доводы сторон

100. По мнению Правительства, у следствия нет данных, которые подтверждали бы, что Асланбек Хамзаев^{vii} был лишен свободы представителями государства в нарушение гарантий статьи 5 Конвенции.

101. Заявители настаивали на своих жалобах.

B. Оценка Суда

102. Суд ранее уже указывал на фундаментальную важность гарантий Статьи 5 для обеспечения права любого лица в демократическом государстве не подвергаться произвольному задержанию. Также Суд отмечал, что неизвестное задержание лица

является полным отрицанием названных гарантий и серьезнейшим нарушением Статьи 5 (см. *Çiçek v. Turkey*, №25704/94, § 164, 27 февраля 2001 г., и *Luluyev*, цит. выше, § 122).

103. Тем не менее, Суд не считает установленным “вне разумных сомнений”, что Асланбек Хамзаев^{viii} был задержан представителями государства (см. пункт 70 выше). Нет никаких оснований считать, что пропавший без вести человек находился в неустановленном центре содержания под контролем представителей государства.

104. Суд, таким образом, делает вывод, что эта часть жалобы должна быть отклонена, так как несовместима с требованием *ratione personae* и должна быть признана неприемлемой в связи со Статьей Article 35 §§ 3 and 4 Конвенции.

VIII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

105. Заявители жаловались, что были лишены эффективных средств защиты в отношении вышеупомянутых нарушений своих прав по Статье 13 Конвенции, которая гласит:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

A. Доводы сторон

106. Правительство утверждало, что в распоряжении заявителей имелись эффективные средства правовой защиты, как этого требует Статья 13 Конвенции, и что власти не препятствовали праву заявителей воспользоваться такими средствами. Заявители имели возможность жаловаться на действия или бездействия следственных органов в суд, но они не сделали этого. В целом Правительство утверждало, что нарушения Статьи 13 не было.

107. Заявители повторили свои жалобы.

B. Оценка Суда

1. Приемлемость

108. Суд отмечает, что касается жалоб, сделанных заявителями по этой Статье, они уже были рассмотрены в контексте Статьи 2 Конвенции. Принимая во внимание признанное нарушение Статьи 2 в процедурной части (см. пункт 90 выше), Суд заключает, что когда жалоба по Статье 13 в связи со Статьей 2 признана приемлемой, нет необходимости отдельного рассмотрения этой жалобы по существу (see, *mutatis mutandis*, *Makaratzis v. Greece* [GC], no. 50385/99, §§ 84-86,

ЕCHR 2004-XI, а также *Anik and Others v. Turkey*, no. 63758/00, § 86, 5 июня 2007).

IX. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ

109. Заявители в своей первоначальной жалобе утверждали, что подверглись дискриминации в связи их этническим происхождением в нарушение Статьи 14 Конвенции, которая гласит:

“Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам”.

110. В своих замечаниях по поводу приемлемости и существа жалобы от 20 декабря 2007 года заявители указали, что не намерены добиваться рассмотрения Судом своих жалоб на нарушение Статьи 14 Конвенции.

111. Суд, принимая во внимание Статью 37 Конвенции, делает вывод о том, что заявители более не намерены добиваться рассмотрения этой части своей жалобы, в значении Статьи 37 § 1 (а). Суд также не видит причин общего характера, относящихся к соблюдению установленных Конвенцией прав человека, которые требовали бы продолжить рассмотрение настоящей жалобы согласно Статье 37 § 1 Конвенции *in fine* (см. *Stamatios Karagiannis v. Greece*, no. 27806/02, § 28, 10 февраля 2005 г.).

112. Следовательно, эту часть жалобы следует исключить в соответствии со Статьей 37 § 1 (а) Конвенции.

IX. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

113. Статья 41 Конвенции устанавливает:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

А. Возмещение материального ущерба

114. Первый, четвертый и пятый заявители потребовали возмещения ущерба за потерю заработков их родственника. Они указывали, что хотя Асланбек Хамзаев^{ix} был безработным на момент задержания, было бы разумно предполагать, что он мог бы найти работу и получать, по крайней мере, минимальную официально принятую зарплату. Первая заявительница запросила компенсацию в

размере 296 тысяч 86 рублей 21 копейка (приблизительно 8 300 евро), четвертый заявитель - в размере 102 тысячи 958 рублей 51 копейка (приблизительно 2 900 евро), пятый заявитель - в размере 93 тысячи 326 рублей 21 копейка (приблизительно 2 600 евро).

115. Правительство заявило, что эти требования необоснованны.

116. Суд повторяет, что между требуемой заявителями компенсацией и нарушением Конвенции должна существовать четкая причинно-следственная связь и что в соответствующих случаях может быть запрошена компенсация за потерю заработков. Учитывая сделанные выше выводы, что не было нарушения Статьи 2 в материальности части, Суд считает, что четкой причинной связи между заявленным нарушением права на жизнь Асланбека Хамзаева^x и потерей первым, четвертым и пятым заявителями финансовой поддержки, которую он бы мог им обеспечить. Таким образом, Суд отклоняет требования заявителей в части компенсации.

В. Возмещение морального ущерба

117. Первая заявительница потребовала 40 000 евро, четвертый и пятый заявители потребовали по 30 000 евро каждому, шестой, седьмой и восьмой заявители потребовали по 5 000 евро каждому в качестве компенсации морального ущерба за душевные страдания, вызванные потерей члена из семьи и равнодушия властей в связи с этим.

118. Правительство посчитало требования заявителей завышенными.

119. Суд отмечает, что им было установлено нарушение Статьи 2 в её процедурном аспекте. В этой связи заявителям должны были быть причинены страдания и расстройство в результате этих обстоятельств, которые не могут быть компенсированы лишь установлением нарушения. Учитывая это, Суд присуждает первому, четвертому и пятому заявителям по 2 тысячи евро каждому и шестому, седьмому и восьмому заявителям по 850 евро каждому в качестве компенсации морального вреда, плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы.

В. Издержки и расходы

120. Заявителей в Суде представляла организация SRJI. Сотрудники этой организации представили перечень понесенных издержек и расходов, включая исследования и интервью в Ингушетии и Москве по ставке 50 евро в час и составление юридических документов, представленных в Суд и в органы государственной власти, по ставке 50 евро в час для юристов SRJI и 150 евро в час для старших сотрудников SRJI. Они также запросили возмещение оплаты за переводы и международной почты, подтвержденные

соответственными счетами, тогда как требования возмещения административных расходов не были подтверждены никакими документами. Общая сумма требуемого возмещения расходов и издержек в связи с ведением дела составила 7 773.17 евро.

121. Правительство оспорило разумность и оправданность запрашиваемых сумм. Оно также утверждало, что требования заявителей о выплатах были подписаны шестью юристами, двое из которых не упоминаются в доверенностях, поданных заявителями. Правительство также выразило сомнение в том, что необходимо было посылать корреспонденцию курьерской службой.

122. Суд отмечает, что заявители подали доверенности, подписанные на имя организации SRJI» и ее четырех юристов. Требования заявителей о справедливом возмещении были подписаны шестью лицами. Имена трех из них указаны в доверенностях, в то время как другие три юриста сотрудничают с SRJI. В таких обстоятельствах Суд не видит причин сомневаться в том, что шесть юристов, упомянутых в требованиях заявителей о справедливом возмещении, принимали участие в подготовке замечаний от имени заявителей. Более того, нет причин заключать, что заявители не имели права направлять свою корреспонденцию в Суд посредством курьерской службы.

123. Суду предстоит установить, действительно ли имели место расходы и издержки, указанные заявителями и являлись ли они необходимыми (см. *McCann and Others*, *цит. выше*, § 220).

124. Принимая во внимание детализацию представленных сведений, Суд считает эти ставки разумными и отражающими фактические расходы, понесенные представителями заявителей.

125. Помимо этого Суд должен установить, действительно ли расходы и издержки, понесенные представителями, были необходимы. Суд отмечает, что данное дело было относительно сложным и требовало определенной подготовительной работы. В то же время Суд указывает на то, что поскольку в данном случае применялась Статья 29 § 3, представители заявителей подавали в Суд свои замечания по приемлемости и существу дела в виде одного пакета документов. Суд отмечает, что в деле фигурировало очень мало подтверждающих документов в связи с отказом Правительства представить материалы уголовного дела. Поэтому Суд сомневается в том, что на подготовку юридических документов было необходимо так много времени, как утверждают представители.

126. Учитывая детализацию требований, поданных заявителями, и справедливость оснований, Суд присуждает им 4500 евро за вычетом 850 евро, полученных в качестве правовой помощи от Совета Европы, плюс налоги и сборы, если они начисляются на данную сумму; они подлежат уплате на счет банка представителей в Нидерландах, указанный заявителями.

С. Выплата процентов

127. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Принимает решение* исключить жалобу из списка своих дел в соответствии со Статьей 37 § 1 (а) Конвенции в части, касающейся жалоб заявителей на нарушение Статьи 14 Конвенции;
2. *Постановляет* отклонить возражение Правительства относительно злоупотреблением права на подачу индивидуальной жалобы;
3. *Постановляет* отклонить возражение Правительства относительно *locus standi*;
4. *Постановляет* объединить возражение Правительства относительно неисчерпания уголовных средств защиты с рассмотрением дела по существу и отклоняет их ;
5. *Объявляет* жалобы на нарушение Статьи 2 и Статьи 13 Конвенции приемлемыми, а остальную часть жалобы неприемлемой;
6. *Постановляет*, что не было нарушения статьи 2 Конвенции в ее материальной части в отношении Асланбека Хамзаева^{xi};
7. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в части непроведения эффективного расследования обстоятельств исчезновения Асланбека Хамзаева^{xii};
8. *Постановляет*, что не рассматривать отдельно вопрос о нарушении Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений Статьи 2;
9. *Постановляет*:
 - (а) что Государство-ответчик должно в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, выплатить следующие суммы:
 - (i) по 2 000 евро (две тысячи евро) в порядке возмещения морального вреда первому, четвертому и пятому заявителям каждому и по 850 евро шестому, седьмому, восьмому заявителям каждому, в российских рублях по курсу на дату выплаты плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы;
 - (ii) 3 650 евро (три тысячи шестьсот пятьдесят евро) в счет возмещения издержек и расходов, подлежащие уплате на счет банка представителей в Нидерландах, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате заявителями;

(b) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 8 января 2009 года в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Сёрен Нильсен (секретарь)

Кристос Розакис (Председатель)

i

Исправлено 17 марта 2009 г.: в тексте было “Асламбека Хамзатова...”

- ii Исправлено 17 марта 2009 г.: в тексте было “Асламбека Хамзатова...”
- iii Исправлено 17 марта 2009 г.: в тексте было “Асламбека Хамзатова...”
- iv Исправлено 17 марта 2009 г.: в тексте было “Асламбека Хамзатова...”
- v Исправлено 17 марта 2009 г.: в тексте было “Асламбека Хамзатова...”
- vi Исправлено 17 марта 2009 г.: в тексте было “Асламбек Хамзатов...”
- vii Исправлено 17 марта 2009 г.: в тексте было “Асламбек Хамзатов...”
- viii Исправлено 17 марта 2009 г.: в тексте было “Асламбек Хамзатов...”
- ix Исправлено 17 марта 2009 г.: в тексте было “Асламбек Хамзатов...”
- x Исправлено 17 марта 2009 г.: в тексте было “Асламбека Хамзатова...”
- xi Исправлено 17 марта 2009 г.: в тексте было “Асламбека Хамзатова...”
- xii Исправлено 17 марта 2009 г.: в тексте было “Асламбека Хамзатова...”